

Кровавое наследство

Автор:

Мэри Брэддон

Кровавое наследство

Мэри Элизабет Брэддон

«В лесистой местности Гампшира, в доме, напоминающем своей архитектурой частью сельские домики, частью замки древних времен, жило семейство, могущее дать писателю олицетворение семейного счастья. Семейство это было немногочисленно, оно состояло из четырех лиц: капитана морской службы Гарлея Вестфорда, его жены, сына и дочери. И капитан, и его жена были еще, как говорится, в полном соку. Годы унесли цвет молодости Клары, но заменили его очарованием нравственного совершенства и следами безоблачно протекшей жизни.

Да, она была еще хороша. Люди, знавшие коротко ее прошлое, говорили, что она стояла по происхождению выше своего мужа. Они уверяли, что она променяла богатый аристократический замок своего отца на трудовую жизнь с честным и добродушно веселым моряком и навлекла на себя негодование всего своего надменного семейства...»

Мэри Брэддон

Кровавое наследство

В лесистой местности Гампшира, в доме, напоминающем своей архитектурой частью сельские домики, частью замки древних времен, жило семейство, могущее дать писателю олицетворение семейного счастья. Семейство это было немногочисленно, оно состояло из четырех лиц: капитана морской службы Гарлея Вестфорда, его жены, сына и дочери. И капитан, и его жена были еще, как говорится, в полном соку. Годы унесли цвет молодости Клары, но заменили его очарованием нравственного совершенства и следами безоблачно протекшей жизни.

Да, она была еще хороша. Люди, знавшие коротко ее прошлое, говорили, что она стояла по происхождению выше своего мужа. Они уверяли, что она променяла богатый аристократический замок своего отца на трудовую жизнь с честным и добродушно веселым моряком и навлекла на себя негодование всего своего надменного семейства.

Никто, однако, не имел верных сведений об этом браке, совершившемся вдали от родительского дома. Капитан и его жена хранили от всех тайну своего прошлого. Если же мистрисс Вестфорд заводила по необходимости речь о своем замужестве, то речь эта доказывала только ее высокое мнение о достоинствах избранного ею мужа.

– Я знаю, – говорила она, – что у мужа моего нет именитых предков, но их заменяет длинный ряд честных и храбрых людей, и любой человек стал бы гордиться сердцем, которое бьется в груди моего мужа.

Но мы лучше всего предложим читателю войти в вестфордский сад, в день разлуки, предстоящей капитану с женой. Оба они прохаживаются по густой ореховой аллее. Теплый июньский день пропитан запахом цветов, темно-синее небо безоблачно, только трудолюбивое жужжание пчел и пение птиц нарушают тишину.

Однако, несмотря на роскошную прелесть утра, лицо Клары Вестфорд было грустно и бледно, и темная тень окружала ее голубые, прекрасные глаза. Бессонная ночь прошла вся в молитве к тому, кто охраняет всех путешественников.

– О Гарлей! – говорила она. – Ты не представляешь, как тяжело у меня на душе! Мы уже много раз расставались с тобой, но еще ни разу не расставались так

грустно!

Лицо ее красноречиво подтверждало истину ее слов, но в темно-серых глазах капитана не было слез, одна только дрожь его губ показывала глубину его переживаний в эту минуту.

Капитан Гарлей Вестфорд был храбр как лев во всех битвах, в которых он участвовал, но грусть его жены сокрушила его душевную силу. Однако он превозмог эту слабость и сказал жене с притворной веселостью:

- Подобная грусть недостойна тебя как жены моряка. В нашей разлуке не должно быть горечи, тем более что это последняя разлука: после этой поездки в Китай, от которой я жду так много хорошего для благосостояния нашего и наших детей, я поселюсь на постоянное жительство в Вестфорде. Полно же, Клара, не плачь!

- Я уже не плачу, Гарлей, - ее голос выражал подавленную скорбь, - вспомни, что я всегда плакала при каждой нашей разлуке, но никогда во мне не было такого безотчетного ужаса, которого даже моя молитва не могла победить. Я чувствую, что в этом путешествии тебя ждет непредвиденная и страшная опасность. Сжался надо мной, Гарлей, не уезжай от нас!

Ее нежная рука судорожно сжимала руку мужа, словно удерживала его от предполагаемой поездки. Капитан Вестфорд грустно улыбнулся.

- Хотя твои предчувствия ни на чем не основаны, я бы, может быть, уступил твоей просьбе, если бы не дал слова отправиться в путь. Я должен сдержать это слово. До сих пор еще никто не мог упрекнуть Гарлея Вестфорда в том, что он не исполнил своего обещания! Корабль «Лили Кин» выходит завтра в море на рассвете, и я уеду на нем, если только буду жив.

Мистрисс Вестфорд знала, что всякие дальнейшие увещевания будут напрасны; она также знала, что ее муж дорожил своим словом, как дорожил жизнью. Тяжелый и подавленный вздох был последним выражением ее тяжелых чувств.

- А теперь выслушай меня внимательно, дитя мое, - сказал Гарлей Вестфорд, - потому что я буду говорить о серьезных вещах.

Он взглянул на часы.

– Нам остается всего полчаса, Клара, до прихода дилижанса, который увезет меня в Винчестер. Слушай же меня, мое сердце: ты знаешь, что я помощью Божьей успел накопить небольшое состояние для тебя и детей. Я ношу на груди портфель, в котором 20000 фунтов в банковских билетах: это все, что я успел накопить в различных местах моего пребывания. Возвратясь из Китая, я постараюсь пустить эти деньги, вместе с теми, которые я надеюсь приобрести в этом путешествии, в самые выгодные и безопасные обороты. А пока я намерен отдать их под сохранение одному известному учредителю банка, за которого ручается мне доверие, которое имел к нему мой отец. Они пролежат у него до моего возвращения. Но, чтобы предохранить их от всяких случайностей, я перешлю тебе квитанцию банкира как на эту сумму, так и на получение от меня под сохранение законных актов на все мои владения. Завещание мое лежит у моего поверенного. Что бы ни случилось со мной, будущность твоя и детей вполне обеспечена.

– О Гарлей! – сказала Клара Вестфорд, – мне тяжело слышать твои слова. Ты говоришь, как человек, который предвидит свою неизбежную гибель.

– Нет, я говорю, как рассудительный человек, хорошо понимающий все случайности жизни. Эти 20000 фунтов и эти 50 десятин земли, самой лучшей земли во всем Гампшире, обеспечивают с избытком и тебя, и детей. Теперь же половина времени, которое осталось мне до отъезда, уже прошла, а другая принадлежит моим детям.

Капитан вышел из тенистой аллеи и направился к площадке, покрытой зеленым дерном и освещенной лучами июньского солнца. На эту площадку выходили окошки небольшой гостиной, защищаемой от яркого света длинной верандой, наполовину закрытой цветами и зеленью. Вдоль этой веранды были развешаны клетки с любимыми птицами, а на белой, как снег, и мягкой подстилке лежала свернувшись маленькая собачка. Девушка лет шестнадцати показалась в окошке и выпрыгнула из него с легкостью белки, как только капитан появился на площадке.

Никогда еще, может быть, солнце не освещало такого миловидного создания, каким была эта девушка в своем белом платье, со своей замечательной и ослепительной свежестью. Черты ее были нежны и правильны; ее лоб, нос и подбородок приводили на память чисто греческий тип. Глаза ее, с длинными

темными ресницами, были, подобно глазам ее матери, большие темно-синие, живые и блестящие; волосы имели золотистый отлив. Эти длинные волосы, откиннутые с правильно очерченного лба, покрывали густыми локонами ее плечи. Такова была Виолетта Вестфорд.

– Милый папа! – воскликнула она, между тем как мистрисс Вестфорд опустилась в изнеможении на ближайшую скамейку, – мама жестокая женщина, она так надолго задержала тебя, а я считала минуты, которые остались до прихода кареты. Папа, ты дурно делаешь, что оставляешь нас! – ее блестящие глазки наполнились слезами. – Но Лионель хочет, – продолжала она, – оседлать Вариора и проводить тебя до Винчестера, а там побыть с тобой до отправления поезда. Я завидую ему: он будет с тобой еще полчаса.

– Послушай, моя милая, – сказал капитан, – если не ошибаюсь, то карета идет.

Из-за деревьев послышались звуки трубы кондуктора. В ту же минуту из ворот выехал Лионель верхом на коне, а карета остановилась у садовой решетки. Мистрисс Вестфорд поднялась с места, спокойная, без слез, только мертвенная бледность выдавала всю тяжесть этой минуты.

– Друг мой! – сказала она. – Я могу только молиться за твое благо. Но еще одно слово, Гарлей: ты говорил о каком-то банкире, которому хочешь поручить свои деньги. Скажи мне его имя – я имею большие основания, чем ты думаешь, спросить об этом.

– Банкирами моего отца были господа Гудвин и Сельби, а сейчас директор банка Руперт Гудвин. Прощай, мое сердце!

Кондуктор затрубил громче прежнего в ту минуту, когда Гарлей Вестфорд последний раз поцеловал жену. Горе, овладевшее его собственным сердцем при прощании, не позволило услышать восклицание ужаса, вырвавшееся у его жены при имени Руперта Гудвина. Когда стук колес уезжавшей кареты стих, Клара Вестфорд хотела дойти как-нибудь до дома, но силы ей изменили, и Виолетта нашла мать бледной и неподвижной. На крик девочки прибежали две горничные и с помощью Виолетты перенесли госпожу Вестфорд на диван в гостиную, защищенную от солнечных лучей плотными занавесками. Одна из прислужниц побежала за доктором, а Виолетта положила на бледный лоб матери мокрое полотенце. Когда Клара открыла глаза, в них был безотчетный

ужас: «Руперт Гудвин, Руперт Гудвин! – воскликнула она с глубоким отчаянием. – О нет, не его, Гарлей, нет, нет, его не надобно!» Ее глаза снова закрылись и голова упала на подушку.

Явился доктор, но его старания не привели ни к каким результатам. Болезнь мистрисс Вестфорд брала свое начало в нравственных потрясениях, над которыми была бессильна рука врача. Один обморок сменялся другим. Виолетта и Лионель, возвратившийся к тому времени, перенесли госпожу Вестфорд в ее спальню и ухаживали за ней с беспредельной нежностью. Молодой человек устроил свой ночлег в соседней комнате и слышал чутким ухом самое легкое движение больной. Еще несколько дней тому назад веселый, вестфордский дом стал безмолвен и мрачен как могила. Врач предписал больной глубокий покой, и его приказания исполнялись буквально.

2

Почтовый поезд быстро летел от Винчестера к Лондону. Скоро и Лондон открылся глазам капитана – мрачно-угрюмый, но все-таки величественный. Но мысли капитана были далеко: они переходили от недавно оставленных им милых к опасностям, ожидавшим его в открытом море.

Давно уже фамилия Сельби служила только названием для банкирской конторы, но ею управлял в сущности один Руперт Гудвин. Ему в это время было лет сорок пять. Его лицо было замечательно выразительно и отличалось тем смуглым оттенком, который мы видим только на картинах итальянской живописи. Его мать была испанка и передала ему часть своей южной красоты. Он был высок ростом и широк в плечах. Его черные и блестящие глаза были ясны и пронизательны, как глаза сокола, но эти соколиные глаза опускались невольно под взглядом всякого честного человека.

Гудвин унаследовал от отца огромное имение, которое увеличил приданым, взятым за женой. Вообще ему везло, как немногим на свете.

Долгие годы имя Руперта Гудвина служило образцом безупречной честности, но с некоторого времени о нем распространились странные слухи: утверждали, что Руперт Гудвин увлекся большими спекуляциями и что эти спекуляции

не увенчались успехом.

Кто не знает, как неблагоприятно влияют слухи подобного рода на кредит негодянта? Хотя эти слухи ходили среди самых близких знакомых банкира – его неудачи еще не дошли до тех, кто вверил ему свои капиталы, вследствие чего требования уплаты еще не нарушали и без того затруднительного положения банкирского дома.

Банкир, весь бледный и с бьющимся сердцем, сидел в своем кабинете над счетными книгами, задумавшись над положением своих денежных дел. Он ожидал кризиса каждый день и каждый час и изыскивал средства предотвратить его.

Один только человек пользовался доверием Руперта Гудвина – его главный приказчик Яков Даниельсон. Со дня своего совершеннолетия Даниельсон поступил на службу к банкиру, и между ними мало-помалу установилась загадочная связь. Ее нельзя было назвать дружбой, потому что банкир был высокомерен и повелителен со своими подчиненными, но Яков Даниельсон знал все его тайны и обладал почти сверхъестественной способностью угадывать каждую невысказанную мысль Руперта Гудвина.

В то время, когда Руперт Гудвин раздумывал о тяжелом положении своих дел и ожидал близкой грозы, Гарлей Вестфорд спешил к нему, чтобы вверить плоды своих двадцатилетних трудов. Кабриолет, в котором ехал Вестфорд, остановился возле конторы банкира, где, по воле случая, был один Яков Даниельсон.

– Я желаю говорить с господином Гудвином, – сказал капитан.

– Это невозможно, – отвечал холодно Яков, – господин Гудвин очень занят, но если вы хотите передать мне ваше дело, то я поспешу...

– Благодарю вас, но я не могу принять вашего предложения. Мое время рассчитано по минутам, и я надеюсь, в силу этого господин Гудвин не откажет мне в личном свидании. Когда человек является, подобно мне, вручить банкирской конторе все свое состояние, то он, очень естественно, желает передать его в руки самого директора банка.

Судорожная дрожь промелькнула на тонких губах Даниельсона. Плод экономии целой человеческой жизни! Вкладчик, вручающий весь свой капитал Руперту Гудвину в ту самую минуту, когда этот последний ждал только бесчисленного множества требований от опустевшей кассы! Яков устремил испытующий взгляд на честное лицо моряка, невольно подозревая во всем сказанном им какой-нибудь подлог.

– Я вижу, что вы спешите, – сказал он ему, – и прошу у вас только позволения узнать, какого рода делом занят банкир. Но не угодно ли вам вручить мне вашу карточку?

– Вы совершенно правы, – отвечал капитан. – Мой отец был участником в делах вашей конторы, и мое имя, вероятно, известно господину Гудвину!

Яков Даниельсон отнес эту карточку банкиру, не прочитав даже фамилии на ней.

– Какой-то безумец, – сказал он холодно, – желает вручить вам значительный вклад – он вбил себе в голову передать его не иначе, как в ваши собственные руки. Я думаю, что вы не откажетесь принять его?

– Конечно, – отвечал надменно банкир. – И вы теперь же можете пригласить его ко мне.

Только когда Даниельсон вышел из комнаты, Гудвин посмотрел на лежащую перед ним карточку. «Гарлей Вестфорд, – прошептал он, – вверяет мне деньги, мне, своему смертельному врагу, и еще в такую минуту!..» Банкир смял карточку и старался превозмочь свое волнение. Лицо его приняло привычное холодное и спокойное выражение, и он встретил Вестфорда приветливой улыбкой.

Моряк очень спокойно вручил ему портфель.

– В этом портфеле, мистер Гудвин, плоды моих двадцатилетних трудов, а в этом запечатанном пакете – акты на мои земельные владения в Гампшире, где живут моя ясена и дети. С вашего обязательного согласия я вручаю вам под сохранение и этот пакет.

Гудвин в то же время пересчитал бумаги.

– Извините, – сказал капитан, – вы, вероятно, не откажетесь выдать мне расписку в получении денег?

– Принесите мне бланк, Даниельсон, – обратился банкир к приказчику.

Банкир выдал капитану квитанцию в получении и актов, и денег; засвидетельствовал ее своей подписью за скрепой Даниельсона, и Вестфорд положил ее в карман своего легкого верхнего платья.

Уже несколько дней как погрузка корабля была окончена и все готово к выходу в море.

Когда капитан Вестфорд подъехал к кораблю, на палубе прохаживался молодой человек с открытым и приятным лицом. Это был Жильбер Торплей, старший лейтенант на «Лили Кин», пользовавшийся самым искренним расположением Вестфорда. Он ездил вместе с капитаном в Вестфорд-хауз и во время трехдневного своего пребывания в этом маленьком раю влюбился без памяти в Виолетту Вестфорд. Очень понятно, что он затаил это чувство глубоко в душе: дочь капитана стояла, по его мнению, недосягаемо высоко над ним.

Капитан дружески пожал ему руку.

– Я аккуратен, как видите, – сказал он. – На этот раз я расстаюсь с родиной без горечи, потому что мне удалось обеспечить будущее всего моего семейства: это утешительное сознание! Я вручил весь мой капитал банкирской конторе и увожу с собой квитанцию Руперта Гудвина.

При имени Гудвина ужас отразился на лице Жильбера.

– Руперт Гудвин! – воскликнул он. – Я, верно, не расслышал? Неужели вы вручили свои деньги банкирскому дому Гудвина и Сельби?

– А почему же нет? – спросил капитан.

– Потому что прошел слух, что он скоро будет стоять перед конкурсом.

Гарлей Вестфорд пошатнулся и, чтобы не упасть, оперся о перила.

- Грабитель, мошенник! - воскликнул капитан. - Он знал, что эти деньги - все достояние моей жены и моих детей, и принял их от меня с улыбкой!

- Но вы еще не опоздали, - сказал Жильбер Торплей. - Банк закрывается в четыре часа, а теперь только три. Вы еще успеете истребовать обратно ваши деньги.

- Разумеется, - сказал Гарлей с глухим проклятием, - я потребую от него эти деньги и, в крайнем случае, вырву их вместе с его жизнью! Жена моя и дети не должны быть ограблены!

- Но вам же нельзя терять времени, капитан!

- Знаю-знаю, Жильбер, - он приложил руку ко лбу. - Эта новость поразила меня. Но, что бы ни случилось, «Лили Кин» должна на рассвете поднять паруса; если я успею вернуться к этому времени, тем лучше; если же нет, корабль все-таки должен выйти в море, а вы примите команду над ним.

- Я буду повиноваться вам, капитан, и просить Бога, чтобы он ускорил ваше возвращение.

- Все это, конечно, в Его святой воле, - отвечал Вестфорд. Он вручил молодому человеку некоторые нужные бумаги и, дав ему несколько кратких наставлений, пожал ему руку и спустился в лодку, чтобы отправиться на берег. Там он взял первый попавшийся кабриолет и приказал кучеру торопиться на Ломбард-стрит.

Банк закрылся в минуту приезда Гарлея Вестфорда, а мистер Гудвин уже ехал в свой загородный дом - так сказали приказчики, заметив при этом, что на нынешний день все дела по банку окончены.

- Ну так я поеду в его загородный дом, - сказал капитан. - Где он находится?

- В Вильмингдонгалле по северной дороге, недалеко от Гертфорда.

– А как туда добраться?

– Вы можете ехать по Гертфордской железной дороге, а потом взять карету до Вильмингдонгалля.

– Хорошо, – Вестфорд сел в кабриолет и приказал спешить на станцию северной дороги.

«Ни я, ни Руперт Гудвин не будем спокойны, пока эти деньги не вернутся к законным владельцам!» – воскликнул капитан и поднял руку, как будто призывал Небо в свидетели этой клятвы. Он не предвидел, каким ужасным образом будет исполнена эта самая клятва; он не знал, какие несчастья, какие преступления вызывает демон, который должен быть рабом человека и которого человек сделал своим повелителем, – демон, который называется золотом.

3

Вечером того же дня Руперт Гудвин сидел в великолепной столовой древнего и щеголеватого дома, известного под названием Вильмингдонгалль. Эта вилла была не новым строением, воздвигнутым богачом спекулянтom, а благородным остатком прошлого, одним из тех величественных зданий, окруженных вековыми деревьями, которые в настоящее время причисляются к редкостям. Этот четырехугольный замок мог свободно вместить в себя целый полк. Один из его четырех флигелей был давно необитаем, и отсыревшие обои висели клоками на его стенах. Немногие из прислуги банкира решились бы войти в эту часть замка из-за слуха, что здесь водятся привидения, но мистер Гудвин посещал его нередко, так как в погребах его хранились сокровища, которые вверялись его попечению. Немногие спускались в эти подвалы, но все говорили, что они тянулись на всем пространстве, занимаемом флигелем и даже отчасти самим домом. Уверяли еще, что в военное время эти подвалы служили темницами.

В окрестностях Вильмингдонгалля мистера Гудвина считали обладателем баснословных богатств. Роскошь и изящество окружали банкира со всех сторон, но, несмотря на все это, на прекрасном лице Руперта Гудвина выражалось чувство сильного неудовольствия.

Он был не один. За столом с ним сидел его главный приказчик Яков Даниельсон – отталкивающая личность. Обстоятельства вынудили Руперта Гудвина стоять с ним на дружеской ноге. Якову была известна тайна этих знаменательных двадцати тысяч, из-за которых проходили в уме Гудвина такие мрачные мысли. Эта сумма могла поддержать некоторое время его поколебавшийся кредит. Все затруднение состояло только в том, что останется делать, когда капитан, возвратясь из Китая, потребует вернуть и деньги. Гудвин ненавидел непримиримой ненавистью Гарлея Вестфорда, хотя до этого не видал его ни разу в жизни. Эта ненависть зародилась в прошлых тайнах, в которых Клара Вестфорд играла важную роль.

При таком положении дел Гудвин твердо решился присвоить себе достояние капитана. Его ждало несомненное банкротство: в последнее время из-за безрассудных спекуляций он понес огромные потери. Он задумал оставить навсегда Европу, прихватив с собой вверенные ему двадцать тысяч.

В пору первой молодости Гудвин долго жил в Южной Америке, где до сих пор оставался родственник его матери, очень богатый и именитый купец. Гудвин был убежден, что это переселение избавит его от всяких преследований, и эти двадцать тысяч помогут ему составить состояние, равное тому, которое он терял в настоящее время.

«Юлия, – думал он, – поедет со мной, а Густав может оставаться и в Англии и отыскать себе какое-нибудь дело. Между нами не было никогда искренней привязанности, и мне надоело слышать его вечные порицания всем моим предприятиям».

– Да, Яков, – заговорил опять банкир, возвращаясь к прерванному разговору со своим приказчиком, – эти двадцать тысяч помогут нам отворотить беду. Если первые требования будут исполнены без всяких отлагательств, мы возвратим себе доверие и покончим со всеми слухами.

– Это очень возможно, – отвечал приказчик, но так сухо и холодно, что оскорбил банкира. – Но что мы станем делать, когда капитан возвратится домой и потребует у нас свои деньги обратно?

– Наше положение может поправиться за это время, – возразил банкир.

– Может, конечно, но как мы приступим к этому исправлению?

– Но ведь некоторые из наших спекуляций должны же удасться, – заметил банкир, делая страшное усилие, чтобы выдержать пронизательный взгляд серых глаз Якова.

– Вы действительно так думаете, мистер Гудвин? – спросил приказчик, делая странное ударение на этих словах.

– Совершенно уверен. В этих деньгах открывается источник другого состояния.

Гудвин впал в глубокое раздумье, из которого его внезапно вернул голос, как-то странно прозвучавший в его ушах.

– Мистер Руперт Гудвин, – говорил этот голос, – я пришел к вам, чтобы получить обратно двадцать тысяч фунтов, которые имел честь вручить вам сегодня.

Раскаленное железо не могло бы произвести в сердце Гудвина того страшного ощущения, которое произвели эти простые слова. Они совершенно его уничтожили. Однако он скоро оправился настолько, чтобы отвечать с поддельной твердостью.

– Многоуважаемый капитан Вестфорд, меня испугало ваше неожиданное появление, несмотря на то, что я не страдаю слабостью нервов. Но мне часто твердили, что в моем замке водятся привидения, и вы в сумерках показались мне выходцем из другого мира. Прошу вас садиться и отведать этого бургундского, за доброкачественность которого я ручаюсь своим честным словом. Будьте так обязательны, Даниельсон, позвоните. Я тотчас прикажу подать сюда огня.

– Дорогой мой капитан, – сказал банкир по уходе Даниельсона, – объясните, чем я обязан удовольствием принять вас сегодня у себя? Вы хотите сделать какие-нибудь распоряжения? Или процент, который мы назначили вам, слишком мал?

– Мистер Гудвин, – отвечал капитан, – я человек прямой и не считаю нужным скрывать от вас причину моего возвращения: я просто хочу получить мои деньги.

– Вы боитесь доверить их мне? До вас, верно, дошли несправедливые слухи, распушенные в публице презренным интриганом?

– Дошедшие до меня слухи могут быть справедливы или ложны – желаю от души, чтобы эти слухи были обманчивы и даже сам готов признать их такими. Но дело идет о сумме, которой обеспечивается будущность дорогих мне существ. Я не смею навлечь на нее даже тени опасности.

– И вы ее получите, мой милый капитан, – отвечал банкир, – но так как таких денег у меня в кармане сейчас нет, вы должны поневоле прождать до утра.

Моряк изменился в лице.

– Я надеялся, – сказал он, – найти вас на Ломбард-стритс до закрытия банка. Я отдал приказание корабельному экипажу быть наготове к восходу солнца и, если я не вернусь к назначенному времени, корабль отправится в путь без меня.

Банкир хранил несколько минут глубокое молчание. Лампы еще не были поданы в комнату, и мрачная улыбка проскользнула по его лицу.

– Корабль отправится в путь без вас, – сказал он, – но лоцманы, без сомнения, ждут еще ваших приказаний?

– Нет, они не имеют никакой причины ждать их, – ответил капитан, – они получили нужные наставления, и, если я не возвращусь вовремя, старший лейтенант примет на себя мои обязанности и «Лили Кин» отправится в путь.

В это время внесли лампы.

– Любезный Даниельсон, – обратился банкир к своему старшему приказчику, – уже пробил девять часов, и если вы сейчас же не уйдете, то опоздаете на поезд, который в половине одиннадцатого отправляется из Гертфорда.

– Вы очень заботливы, мистер Гудвин, – ответил приказчик, смотря пристально в глаза банкиру, – мне в самом деле пора уходить.

– Я прикажу своему кучеру отвезти вас, – сказал банкир и, не дав Якову ответить, позвонил и отдал вошедшему лакею нужные приказания.

– Я хотел просить ответа насчет денег, мистер Гудвин, – забеспокоился Вестфорд. – Этот вопрос для меня весьма важен!

– Не угодно ли вам пройти в мой кабинет, я сию же минуту буду к вашим услугам, мистер Вестфорд, – отвечал банкир. – Теперь скорее в путь.

– Яков, или вы опоздаете на поезд, – с этими словами банкир почти вытолкнул приказчика за дверь.

Даниельсон сел в экипаж и помчался на станцию. Глубокий вздох вылетел из груди банкира.

4

– Любезный капитан! – сказал Гудвин, входя в свой кабинет. – Теперь объяснимся откровенно. Вы желаете получить ваши деньги сегодня же?

– Непременно, – отвечал капитан. – Требование мое вам покажется неприличным, потому что здесь не то место, где принимаются и выдаются деньги, но особенное обстоятельство, в котором я нахожусь, должно служить извинением.

– Я уже говорил вам, что не имею привычки носить с собой такую сумму и при обыкновенных обстоятельствах не был бы в состоянии возвратить вам сегодня же 20 тысяч фунтов. Но вы сказали, что завтра на рассвете отправляется ваш корабль и что вы понесете большую потерю, если не сможете отправиться на нем?

– Да, значительную потерю, – отвечал капитан.

– Хорошо же. Несмотря на то, что ваше поведение для меня весьма обидно, я все-таки не прочь исполнить ваше желание. Случайно, и это вам может

показаться странным, у меня, в этом доме, находится сумма, которая значительно превышает эти 20 тысяч фунтов, врученные мне вами.

– В самом деле?

– Да. Не правда ли, случай очень странный? – и банкир засмеялся. – Я имею удовольствие считать своим клиентом старую и оригинальную даму, капитал которой лежал еще недавно в Обществе железных дорог. Несколько недель тому назад я получаю от нее письмо, в котором она меня убедительно просит, по случаю разных неосновательных слухов, взять эти деньги от Общества и сохранить их у себя до дальнейших ее распоряжений. Но интереснее всего то, что она меня просит сохранить их здесь, в моем загородном доме, потому что боится, как бы не украли, если они будут лежать в Ломбард-стрит. Слышали ли вы когда-нибудь о подобной странности? – и банкир снова засмеялся. – Если вам будет угодно, – продолжал он, – последовать за мной в другой флигель этого дома, в котором я сохраняю вверенные мне сокровища, я вам доставлю ваши 20 тысяч фунтов в банковских билетах.

– Вы меня крайне обяжете, – ответил капитан.

Гудвин отомкнул железный ящик и вынул из него огромную связку ключей, на каждом из которых была этикетка из пергамента. То были ключи от северного флигеля его дома.

В ту самую минуту, когда банкир со своим гостем намеревались оставить кабинет, дверь отворилась и молодая девушка лет девятнадцати, по черным как смоль волосам и прекрасному испанскому типу которой можно было немедленно узнать дочь Руперта Гудвина, вошла в кабинет. Рост молодой девушки был большой, осанка величественная, прекрасное лицо чрезвычайно выразительно. То была Юлия Гудвин; жена банкира уже давно умерла, оставив ему двух детей – сына и дочь.

– Я тебя везде искала, папа! – сказала Юлия. – Где ты скрывался весь вечер?

Банкир с досадой взглянул на свою дочь:

– Сколько раз я должен повторять, Юлия, что это место для меня священо, и я не желаю, чтобы мне здесь мешали? Этот господин здесь по весьма важным

делам, и потому я прошу тебя не обременять меня дольше своим присутствием.

– Хорошо, папа, – возразила Юлия с обидой. – Но так скучно сидеть целый вечер одной в этом старом доме и ожидать каждую минуту появления какого-нибудь привидения.

– Идемте, капитан Вестфорд, – сказал банкир, когда дочь ушла, – уже довольно поздно. Последний поезд отправляется из Гертфорда около полуночи. Можете ли вы дойти пешком до станции?

– Три раза, если только это необходимо, – ответил капитан.

– Так пойдемте же.

Руперт Гудвин взял лампу и ключа и направился к большой зале. Он повел капитана по длинным коридорам, украшенным богатыми обоями, драгоценными картинами и большими китайскими вазами, наполненными живыми цветами. Все в этой части дома дышало богатством и роскошью, и в открытые двери Вестфорд видел великолепные комнаты, в которых старинная резьба на стенах и на потолке контрастировала с роскошным модным убранством.

Но в конце длинного коридора Гудвин отпер тяжелую дубовую дверь и ввел капитана в мрачную залу, воздух которой был пропитан пылью.

На одной стороне этой комнаты стояли железные сундуки; в середине паркетного пола находились письменный стол и несколько стульев. Высокое узкое окно, защищенное изнутри железной решеткой, было закрыто снаружи ставнями. В другом конце залы виднелась дверь, запертая плотными железными задвижками. Ничего не могло быть мрачнее этой комнаты, чуть освещенной лампой, которую Гудвин поставил на письменный стол.

– Здесь я храню сокровища, врученные мне на продолжительное время, – сказал банкир, между тем как Вестфорд осматривался в этом мрачном пространстве. – В этих железных сундуках лежат деньги и важные бумаги, а это дверь в кладовую, где я сберегаю серебро. – Он отпер большой сундук и вынул из него маленький железный ящичек. – Здесь лежат деньги г-жи Вентворте, у которой я теперь хочу взять 20 тысяч фунтов, чтобы возратить вам ваши деньги. – С этими словами он поставил ящичек на письменный стол, и пока капитан

рассматривал его внимательно, он вернулся к большому сундуку. Капитан не видел, как банкир вынул из него какой-то блестящий предмет и сунул в карман. – Вам бы следовало также осмотреть мою кладовую, – заметил банкир. – Я не думаю, чтобы вы в моем присутствии боялись привидений?

– Ни в вашем и ни в чьем. Моряк не должен бояться. Можно верить в появление сверхъестественных существ, не боясь их.

Банкир отпер тяжелую дверь, и капитан увидел лестницу, уходящую вниз.

– Возьмите лампу и взгляните туда.

Гарлей подошел к дверям и задумчиво посмотрел в темную бездну.

– Страшное место! – воскликнул он. – Там чернее, нежели в трюме африканского корабля, наполненного рабами!

Едва успел он выговорить эти слова, как банкир вонзил нож по самую рукоять в спину капитана. Вестфорд вскрикнул, пошатнулся и ударился головой о лестницу. Раздался звон разбитого стекла – это лампа выскользнула из рук капитана и глухой звук от падения тела достиг слуха банкира из подземелья. Затем наступила мертвая тишина.

«Не думаю, чтобы он завтра явился в Ломбард-стрит за деньгами», – проговорил банкир, закрывая дверь на ключ. По длинному и узкому коридору он прошел к обитаемой части дома и свободно вздохнул, когда вступил в коридор, Сложенный коврами, и стал замыкать дверь. В это время из одной из смежных комнат вышла Юлия.

– Где же твой приятель, папа? – Спросила она с удивлением.

– Уехал в Лондон.

Но каким образом? Я видела, как вы оба вошли в северный флигель и с тех пор сидела смиреншенько в моем будуаре, дверь которого оставила открытой, чтобы слышать ваши шаги. Я уверена, что он не проходил по коридору!

– Как ты любопытна, – сказал банкир с замешательством. – Я выпустил этого господина из северного флигеля, потому что он захотел пройти парком, чтобы ближайшей дорогой дойти до станции.

– Это другое дело! Но что же тебе заставило идти в этот страшный флигель?

– Дела, дитя мое. У меня там лежат важные бумаги. Но довольно, я не люблю подобных расспросов.

Молодая девушка посмотрела на отца с удивлением и беспокойством.

– Папа! – воскликнула она. – Ты бледен как смерть. Посмотри! – Она указала на грудь отца.

– Что с тобой, дитя мое?

– Кровь, папа, кровь на твоём белье!

Банкир увидел на своей всегда безукоризненно белой рубашке несколько пятен крови.

– Как ты глупа, Юлия, – сказал он, – чего тут пугаться? У меня с некоторого времени болела голова, и когда я несколько минут рылся нагнувшись в бумагах, пошла из носу кровь – вот и все. Доброй ночи, дитя мое!

Он поцеловал ее в лоб, и от прикосновения его ледяных губ ее обдало холодом.

«Что случилось сегодня с отцом? – подумала она, возвратившись в свою прелестно убранную комнату. – Не имел ли он каких-нибудь неприятностей в городе?»

Между тем банкир отправился в столовую, где Гарлей Вестфорд так неожиданно помешал его мечтам. Лампы еще горели на столе и при свете огня шлифованные бутылки блестели, как рубины. Но комната не была пуста. За столом с газетой в руках сидел человек, которого Руперт Гудвин желал бы встретить менее всего в эту минуту. Это был Яков Даниельсон. После замечания своей дочери банкир застегнул сюртук и прикрыл кровавые пятна, но, несмотря на это, он не мог

справиться со своим испугом при виде приказчика.

- Вы здесь, Даниельсон? – воскликнул он. – Я думал, что вы уже подъезжаете к Лондону?

- Нет, я опоздал на поезд и вынужден был возвратиться просить вашего гостеприимства. Надеюсь, вы не найдете меня навязчивым?

- Нисколько, – ответил Гудвин, опускаясь в изнеможении в кресло, – будьте так добры, позвоните лакею. Принеси мне рому, – сказал он ему и, налив себе полстакана, Гудвин залпом выпил его. – Так вы опоздали на поезд? – спросил банкир своего приказчика.

- Да, я уже отпустил вашего кучера, когда заметил, что поезд ушел, и был вынужден возвратиться пешком. Но где же ваш гость, капитан Вестфорд?

- Уже с полчаса как на обратном пути.

- Так вам удалось успокоить его?

- Совершенно. Он оставил деньги у меня до своего возвращения из Китая, но я должен был назначить ему больший процент.

- Весьма естественно, – сказал приказчик, потирая подбородок и очень внимательно наблюдая за своим начальником, который уже в третий раз наливал себе ром. – Капитан пешком отправился на станцию, вы ему, вероятно, указали ближайшую дорогу, парком?

- Да, – рассеянно ответил банкир.

- Странно, – сказал приказчик, – я бы должен был его встретить: ведь я возвращался тем же путем.

- Очень может быть, что он сбился с дороги – моряки вообще неловки на суше.

- К тому же он оставил здесь свое верхнее платье, – сказал Даниельсон, указывая на пальто, лежавшее на ближайшем стуле.

– Это чрезвычайная рассеянность с его стороны, – преспокойно ответил банкир. – Однако меня одолевает сон. Спокойной ночи, Даниельсон. Слуга проводит вас в вашу комнату.

Гудвин направился в свой кабинет. Он тяжело упал в кресло и закрыл лицо руками.

«Страшно! – воскликнул он. – И люди уверяют, что мщение сладко! Долгие годы я жаждал этого мщения и теперь наконец отомщен: Клара Понсонби не увидит больше моего соперника!»

Банкир вынул из нагрудного кармана своего сюртука длинный испанский нож, который был в крови – от острого кончика до самой рукояти.

«Его кровь, – шептал он, – кровь человека, которого я ненавидел уже двадцать лет и увидел сегодня впервые».

Банкир подошел к шкафу, отпер потаенный ящик и положил в него нож. «Никто не знает тайну этого ящика, и вряд ли попадетс кому на глаза этот нож, поразивший Гарлея Вестфорда. Но умер ли он? Да, да, он умер, и 20 тысяч фунтов теперь принадлежат мне». Вдруг он остановился в испуге. «Квитанция, – воскликнул он, – черт возьми, где квитанция на эти 20 тысяч фунтов? Если она попала в чужие руки?!» Но после минутного размышления, он прибавил: «Нет, нет, это невозможно. Она была с ним – и теперь останется с ним навеки». В ту же минуту он вспомнил и о верхнем платье, которое Гарлей Вестфорд оставил у него в столовой. «Если случайно квитанция в одном из карманов этого платья?» – подумал он. Взяв тотчас свечу, он спустился в столовую. Она была пуста, лампы погашены, но пальто капитана лежало на том же месте. Гудвин обшарил все карманы, но нигде ничего не было.

Мистрисс Вестфорд выздоравливала чрезвычайно медленно. Виолетта Вестфорд все прекрасные летние дни терпеливо просидела у постели своей больной матери. Несколько раз в чудесные июньские вечера Лионель настаивал на том,

чтобы она вышла подышать свежим воздухом, обещая заменить ее у постели больной.

– Ты напрасно все со мной споришь, – говорил он, – если ты после длинного дня, проведенного у постели больной, не хочешь прогуляться вечером, то ты непременно захвораешь сама, и у нас вместо одной больной будут две.

Если бы молодой человек был наблюдателен, он непременно заметил бы яркий румянец, покрывавший каждый раз щеки девушки, когда речь заходила о вечерних прогулках.

Несколько минут спустя она оставила дом, направилась по зеленой площадке в густую аллею, вышла из сада через маленькие ворота, ведущие прямо в лес.

Лицо ее было бледно, несмотря на яркий румянец, покрывавший его еще несколько минут тому назад. По узкой тропинке среди высоких старых деревьев она вышла на широкую поляну, окруженную со всех сторон величественными соснами.

Место это было восхитительно. На этой поляне перед расставленным мольбертом сидел молодой человек и смотрел на тропинку. Наружность его показывала в нем с первого же взгляда вполне светского человека. Как только белое платье Виолетты мелькнуло среди зелени, он встал и пошел к ней навстречу.

– Как долго я ждал тебя, – сказал он ей, – и как тяжело было мне это ожидание!

– Я не могла прийти раньше, Рафаэль, – отвечала молодая девушка, – и почти упрекаю себя в том, что теперь пришла. О, если бы только моя мать могла скорее выздороветь, и я представила бы тебя ей! Ты не знаешь ее и потому думаешь совершенно несправедливо, что твоя бедность вызовет с ее стороны сопротивление. Она знает, что я не способна искать в супружестве только денежные выгоды.

Молодой человек вздохнул и отвечал немного помедля:

– Твоя мама, может быть, действительно благородная женщина, но не все такие: некоторые любят только золото и готовы принести ему в жертву даже счастье своих детей. Ты не знаешь света, как я его знаю, иначе ты бы не уверяла, что бедность не станет препятствием к нашему браку.

– Но ни отец, ни мама не поклоняются золотому тельцу. Отец мой – лучший из людей, и мне стоит только сказать ему о моей любви к тебе, чтобы получить его согласие на эту любовь.

– Дорогая моя Виолетта! – воскликнул молодой человек.

– Да разве моя мама не пришла в восторг от тебя, когда мы встретились с тобой в Винчестере?

Только она тогда воображала тебя богатым человеком, а не бедным живописцем. В осанке твоей так много величия, как будто у тебя по крайней мере 10 тысяч фунтов годового дохода.

Лицо молодого человека стало грустным.

– Будь у меня только 500 фунтов дохода, – возразил он, – я бы явился к отцу твоему до его отъезда и попросил бы у него твоей руки, но я беден и, что всего хуже, завишу от человека, которого не уважаю.

Виолетта взглянула на него с удивлением и маленькой досадой.

– Но так будет не всегда, Рафаэль. Ты станешь известным художником, и тебя будет уважать свет.

Печальное лицо молодого человека прояснилось.

– Милая моя мечтательница, – сказал он, – я не ищу величия и славы, а только пытаюсь приобрести себе имя, при помощи которого я бы достиг самостоятельности. Я работаю только для достижения этой цели, и ты можешь сознаться, что меня нельзя упрекнуть в недостатке стремления достигнуть ее.

– Я знаю это, – отвечала она, – и только боюсь, что твое здоровье не выдержит этих усилий.

– Твои опасения совершенно напрасны. Но взгляни на мою работу!

Он подвел Виолетту к своей картине, и хотя она не имела познаний в живописи, поняла, что эта картина обнаруживала большого художника. Полотно изображало только лесную поляну, на которой они находились теперь, и зеркальную поверхность воды, в которой отражалось заходящее солнце. Но душа поэта, видимо, водила рукой художника и придала поразительную прелесть картине. «Ты будешь великим художником, я это чувствую», – девушка устремила на него свои большие голубые глаза.

Через недолгое время Виолетта заспешила к больной матери. Он проводил ее и решился проститься с ней у садовых ворот. Чисто было это молодое и искреннее чувство, но Виолетта чувствовала что-то тяжелое на совести в ту минуту, когда вошла в комнату и заняла место у постели больной.

История любви Виолетты и молодого художника была очень проста. Они встретились на балу в Винчестере. Мистер Станмор произвел с первого же раза самое благоприятное впечатление на мать и дочь. После Лионель и сестра его столкнулись с ним случайно в этом самом лесу. Он не стал скрывать от них, что он художник по призванию и по ремеслу и поселился в лесу ради возможности ближе изучить природу. Они видели его несколько раз сидящим под навесом походной палатки и рисующим старые обнаженные дубы. Мало-помалу молодые люди сблизились с Рафаэлем Станмором. Лионель в особенности был от него в восторге, но он должен был уехать на лето в университет, и Виолетта совершала уже одна свои привычные лесные прогулки. Остальное расскажет в коротких словах. Они увидели и полюбили друг друга. Виолетта Вестфорд готова была, невзирая на бедность Рафаэля Станмора, выйти за него замуж. Но молодого человека удерживала мысль о тяжести этой бедности для Виолетты.

Клара Вестфорд медленно поправлялась. На ее бледных щеках заиграл слабый румянец, а в глазах появились проблески сознания. Первый вопрос ее был о муже и о том, нет ли писем от него. Ответ был отрицательный. От капитана не было получено ни строчки. Это молчание не беспокоило ни Лионеля, ни Виолетту. Они просто думали, что ему не представилось случая переслать письмо. Но сердце Клары не разделяло спокойствия детей. Муж обещал ей при прощании переслать немедленно квитанцию на капитал, который намеревался вручить банкиру. Вопрос о деньгах стоял для нее на втором плане: но она поняла, как серьезно смотрел на это дело муж, и его молчание удивляло ее не без причины. Ее тревога была так сильна, что она не могла скрыть ее, и дети, заметив это, старались успокоить ее.

– Если бы была действительно какая-нибудь причина к беспокойству, – говорил ей Лионель, – я не был бы так весел, каким ты меня видишь. Ты, вероятно, забыла пословицу, что у дурных вестей есть крылья? Если бы с отцом нашим случилось что-нибудь неприятное до выхода «Лили Кин» в море, то Жильбер Торплей не замедлил бы уведомить нас. Ты знаешь, как он предан отцу и всем нам, – сказал молодой человек, выразительно посмотрев на Виолетту, которая, краснея, отвернулась к окну.

Лето прошло для обоих любящих безмятежно и счастливо. Приближалась осень: дни становились короче, и маленькое семейство уже проводило вечера в ярко освещенном салоне. Ни писем от Гарлея Вестфорда, ни известий о счастливом плавании «Лили Кин» не было. У мистрисс Вестфорд и ее детей было много друзей и знакомых по соседству, но все знали, что Клара в отсутствии мужа избегает общества.

Как-то раз Клара Вестфорд отправила своих детей в Винчестер за покупками – она любила видеть их занятыми и веселыми. Она сидела в салоне, большие окна которого выходили на веранду. День был теплый и приятный, чистый вечерний воздух и ароматы цветов проникали в открытое окно. Возле Клары стоял маленький столик с книгами, но ни одна из них не была открыта. Она не могла читать, мысли ее унеслись далеко, они плыли по широкому морю за «Лили Кин». Никогда еще, даже в молодости, Клара Вестфорд не была так хороша, как в эту минуту. Шум поднявшейся портьеры заставил ее поднять голову, и в комнату вошел человек, при виде которого невольный крик ужаса вырвался из ее груди. Вошедший был не кто иной, как Руперт Гудвин, банкир с Ломбард-стрит.

– Вы здесь! – воскликнула она. – Вы здесь?!

– Да, это я, Клара Вестфорд, – сказал он совершенно спокойно. – Ровно через двадцать лет я вижу ту женщину, которой суждено было иметь такое губительное влияние на всю мою жизнь!

– О Боже! – содрогнулась Клара. – Думала ли я, что после двадцати лет счастья услышу опять этот голос?

– Да, Клара, в продолжении двадцати лет между нами было перемирие; теперь же опять начинается война, и кончится только тогда, когда я одержу победу!

Жена капитана закрыла лицо руками.

– Вы все еще прекрасны, Клара, но не так горды, как прежде, – сказал банкир. – Жена капитана уже не высокомерная дочь баронета.

– Вы ошибаетесь! – она устремила глаза на Гудвина. – Я горда теперь более чем когда-либо, потому что теперь я должна защитить честь мужа моего, как свою собственную!

– Хорошо сказано, Клара! Я вижу, вы все еще та же гордая королева, но тем более славы принесет мне победа, которая непременно будет за мной!

– Чего вы хотите здесь? Как нашли вы это скромное убежище?

– С помощью вашего мужа. Вы сейчас узнаете это подробнее!

– С помощью моего мужа?! Не может быть, чтобы он был у вас!

– Да, я его видел!

– Теперь вспоминаю, – сказала мистрисс Вестфорд. – Он хотел вручить вам значительную сумму на сохранение?

– Вы ошибаетесь, Клара, – ответил банкир, – ваш муж не вручал мне никаких денег. Он отыскал меня, чтобы взять у меня денег на оплату загрузки его

корабля и оставил мне в залог законные акты на владение этим имением.

– Он у вас занял деньги? – удивилась Клара. – Он говорил мне, что намерен вручить вам 20 тысяч фунтов.

– Он говорил вам неправду; он потерял все свое состояние во внешних спекуляциях, и только с помощью занятых у меня денег ему было возможно отправиться в путь для новых предприятий. Но я требую, Клара, чтобы вы мне верили на слово: у меня есть бумаги за подписью вашего мужа, которые я не замедлю представить вам.

– О Боже! – воскликнула несчастная женщина, – Гарлей ваш должник? Должник последнего человека, к которому он должен был обратиться!

– И в самом деле, – ответил банкир, – это довольно странно, не правда ли, Клара, даже очень странно?

Устремив неподвижные глаза на банкира, Клара думала молча о последних минутах, прожитых с мужем и вспоминала каждое его слово. Возможно ли, чтобы он обманул ее насчет настоящего положения своих дел?

– Покажите мне подпись Гарлея Вестфорда, – сказала она, – иначе я вам не верю!

– Ни к чему торопиться узнавать неизбежное, – возразил банкир, – а вспомним лучше прошлое. Теперь, когда после двадцатилетнего перемирия, снова начинается сражение – и на этот раз сражение не на жизнь, а на смерть!

– О нет, нет! – воскликнула жена капитана умоляюще. – Оставьте прошлое!

– Я хочу только показать вам, как хороша моя память, и потому позвольте мне рассказать вам всю историю нашего знакомства.

Ответа не было. Мистрисс Вестфорд опять отвернулась от Гудвина и закрыла лицо руками, как будто не желая ничего более ни слышать, ни видеть. Но банкир начал говорить:

– Двадцать лет прошло с той осени, которую я провели в приморском городке, славившемся своими целительными водами. Все, что было нарядного, знатного и принадлежащего к аристократии, назначало там свидание во время сезона. Среди этих людей высшего происхождения я, однако, не был незаметным человеком – слава богатства отца моего сопровождала меня. Я тогда закончил свое образование в столичных городах и мог назваться в полном смысле этого слова светским человеком. Много красивых женщин посетили тогда этот приморский городок, но прекраснее всех была дочь сэра Джона Понсонби, богатого баронета из Йоркшира. В театре, на балу ли, на прогулке, в библиотеке ли везде встречал я ее в обществе старика-отца. Я влюбился в нее безумной, дикой страстью и решился жениться на ней.

Клара Вестфорд посмотрела на банкира с презрительной улыбкой.

– О! Я понимаю смысл этой улыбки, Клара, – сказал Гудвин, – я требовал невозможного, не правда ли, когда решился назвать эту девушку моей? Но вспомните, что эта девушка сама подала к этому повод: она своими ласковыми и нежными улыбками довела меня до этого решения. Ее окружала толпа поклонников, но меня она предпочитала им всем: в разговоре со мной она находила более удовольствия, чем с кем-либо другим.

– Это была просто слабая девушка, – сказала Клара, – но она не имела никаких дурных намерений!

– Она не имела дурных намерений, – повторил банкир, – но она испытывала меня. И когда я пришел к ней в надежде найти сочувствие, она холодно посмотрела на меня и отвечала, что она уже обещалась другому. – Банкир замолчал, но минуту спустя продолжил дрожащим от волнения голосом: – Я был не таков, Клара Вестфорд, чтобы спокойно выслушать подобный ответ. Я не принадлежу к тем слабым созданиям, которые могут прощать и забывать. Я тогда оставил Клару Понсонби и поклялся себе отомстить за унижение; я клялся, что Клара Понсонби рано или поздно будет моей. На следующее утро я увиделся с ней и познакомил ее с моей клятвой. Но она происходила от гордых предков и ответила мне с привычной надменностью. Шесть месяцев продолжалось сражение – шесть месяцев мы молча вели войну. Везде, где показывалась Клара Понсонби, видели и меня в ее обществе: я преследовал ее всюду. Отец ее любил меня и доверял мне, она не могла исключить меня из его общества, не рассказав ему о любви к человеку, который по своему положению в свете стоял гораздо ниже ее и которому отец ее отказал бы наотрез в ее руке.

Клара молчала и, как бы ни было ей неприятно мое общество, была вынуждена сносить его. В театре я стоял за ее креслом, на прогулке я верхом сопровождал ее карету. У меня было много друзей, которые всячески старались услужить мне. Простая шутка с моей стороны, легкое пожатие плечами – и репутация Клары Понсонби была запятнана еще до окончания сезона. Подозрительные слухи дошли и до ее отца, и слабый старик, поверив им, выгнал ее из дому, запретив являться на глаза. Тогда я думал восторжествовать, – продолжал Руперт Гудвин, – опозоренной, изгнанной, какой она была тогда, я надеялся ее увидеть в прекрасном жилище, которое я ей приготовил. Страстные письма мои говорили, что я готов принять ее с открытыми объятиями. Агенты мои наблюдали за ней, когда она оставила дом своего отца, но я ошибся – она направилась не в мой дом. Она поехала в Саутгемптон, откуда вскоре отправилась на Мальту, и месяц спустя я уже прочел в газетах объявление о ее бракосочетании с Гарлеем Вестфордом, капитаном торгового корабля «Приключение». На Мальте она соединилась с человеком, которому давно дала слово. Она теперь была далеко от своего общества, и скандальные слухи, изгнавшие ее из родительского дома, до нее больше не доходили. Этим кончилось первое действие. Три месяца тому назад началось второе – появление Гарлея Вестфорда, вашего мужа, по милости которого вы меня обидели, в моей конторе на Ломбард-стритс.

Клара Вестфорд внезапно поднялась и сделала гордый жест.

– Оставьте этот дом, – сказала она банкиру, указывая на дверь, – ваше присутствие в нем неуместно! Двадцать лет назад, когда вы мне навязывали ваше общество, мы были в доме моего отца, где я не имела власти выгнать вас. Но этот дом принадлежит мне, и я приказываю вам сию же минуту оставить его и не переступать более его порога!

– Это жестокие слова, Клара, тем не менее я не могу не повиноваться им. Я уйду, но только ненадолго. Настанет день, когда я буду иметь большее право войти сюда. Но прежде чем я оставлю вас, позвольте обратить ваше внимание на один абзац этой газеты, который может иметь для вас некоторый интерес. – Гудвин подал мистрисс Вестфорд газету, в которой было обозначено одно место: «Председатели Ллойда начинают беспокоиться об участии корабля „Лили Кин“, который 27 июня этого года отправился в Китай и о котором до сих пор нет нигде никаких известий».

Пронзительный крик вырвался из груди Клары Вестфорд, и она без чувств упала на пол.

– Не прав ли я, Клара, – банкир со злобной улыбкой взглянул на ее бездыханное тело, – не прав ли я, сказав, что началось второе действие драмы?

7

Гудвин нагнулся к несчастной Кларе и положил руку ей на грудь. «Совершенно без памяти, – сказал он про себя, – сердце бьется, но чрезвычайно тихо. Случая более благоприятного быть не может, сам дьявол помогает мне». Банкир тихо прошелся по комнате. Возле камина стоял письменный стол, а перед ним кресло. Стол был замкнут, но ключ находился в замке. «Это, должно быть, его рабочий стол, – предположил банкир, – и я, вероятно, найду здесь то, что мне нужно».

Он еще раз взглянул на бесчувственную Клару, потом осторожно поднял крышку стола. Глазам его предстал ряд ящичков, наполненных разными пакетами, перевязанными одни красной, другие синей ленточкой. На одном из пакетов было написано: «От мужа моего». «Теперь посмотрим, как человек этот подписывает свое имя, – проговорил он. – Может быть, он подписывает только одни начальные буквы, а мне необходимо, чтобы было выписано все имя». Он вынул одно письмо из пакета и развернул его. Письмо было длинное и подписано полным именем капитана Гарлея Вестфорда. «И здесь сам дьявол мне помогает», – подумал Гудвин. Он положил это письмо в карман, а пакет возвратил в ящик и, бросив взгляд на Клару, поспешно вышел из комнаты. В передней он сильно дернул за звонок, на который прибежала девушка.

– Я старинный знакомый вашей госпожи, – сказал он ей. – К несчастью, привез дурные вести. Мистрисс Вестфорд сделалось дурно, она лежит без памяти, поспешите к ней, да кстати, скажите как зовут вашего доктора и где он живет, я пришлю его.

Девушка сказала ему адрес врача и, поблагодарив его за попечение, отправилась к госпоже своей. А банкир оставил несчастный дом, спокойствие которого он нарушил столь преступным образом, и, зайдя сперва к доктору, которого послал в виллу, он поспешил к гостинице, где ожидал его экипаж,

и направился в Винчестер, откуда приехал утром. По дороге он повстречал маленький шарабан, которым правила молодая девушка. Рядом с ней сидел молодой человек. Молодая девушка была Виолетта Вестфорд. Банкир вздрогнул, как при появлении какого-нибудь привидения.

«Это, должно быть, ее дочь, – подумал он, глядя вслед экипажу. – Она напоминает мне Клару Понсонби, когда я впервые увидел ее».

Занятый такими мыслями, Гудвин приехал в Винчестер, в одну из лучших гостиниц этого древнего города. Он нашел своего приказчика в номере, заранее подготовленном к его приезду. Яков Даниельсон сидел в глубоком раздумье, облокотясь на стол, перед ним стоял нетронутый графин с ромом. Когда вошел в комнату банкир, он медленно повернулся и посмотрел на него как человек, не верящий тому, что видит.

– Что с вами, Яков? – удивился Гудвин. – Вы выглядите человеком, который едва оправился от сильного испуга.

– Я действительно сильно испугался, – мрачно отвечал он, – я встретил на улице привидение.

– Привидение?

– Да, привидение, тень моей прошедшей юности, живое изображение женщины, единственной, которую я любил!

Приказчик схватил дрожащей рукой бутылку и до краев наполнил стакан.

– Но в вине, – простонал он, – единственное успокоение от подобных волнений.

Банкиру еще не доводилось видеть своего приказчика в подобном состоянии.

– Вы в самом деле изумляете меня, Яков, – сказал он ему, – я даже не подозревал в вас существования сердца.

– У меня его и нет, – ответил он, – было когда-то, но разбилось. Это старая история. Теперь, господин Гудвин, я несколько оправился от своего испуга.

Вы платите мне жалование не за мечты, а за труд, и я готов трудиться.
Вы вызвали меня в Винчестер не для вашего или моего удовольствия, так скажите, в чем дело?

– Еще не время отвечать на ваш вопрос, Яков: мы сперва пообедаем – мне хочется есть – а потом поговорим о делах. Вечер довольно холодный, прикажите истопить камин.

Когда это приказание было выполнено, банкир и приказчик принялись за обед.

«Странно, – рассуждал сам с собою Гудвин, смотря на неприятное лицо своего собеседника, – этот человек говорит о призраке своей минувшей любви, но ведь и я тоже видел призрак моего прошлого: эта голубоглазая девушка с золотистыми локонами – живое изображение Клары Понсонби в минуту моей первой встречи с ней, когда ее лицо так сильно врезалось в мою память».

Присутствие слуг вынуждало обоих собеседников говорить о самых незначительных вещах. Банкир усиленно старался напоить своего приказчика, хотя сам был воздержаннее обыкновенного. Но когда скатерть была снята со стола, в серебряных подсвечниках зажжены свечи, Гудвин и Даниельсон придвинули свои кресла к камину.

– А теперь за дела! – воскликнул последний.

Банкир медлил с ответом. Задача была действительно нелегкая – ему предстояло сделать Даниельсона соучастником своего преступления. Однако надо было начинать.

– Даниельсон, – сказал банкир, – вы помните капитана Гарлея Вестфорда, который приезжал в Вильмингдонгалль, чтобы взять от меня обратно свои деньги?

– О да, я помню его, и весьма хорошо!

– Должен сказать вам, что этого несчастного, к сожалению, уже нет на свете.

– В самом деле?

Даниельсон пристально взглянул на банкира.

- Да. «Лили Кин» погибла со всем экипажем.

- Но почему вы знаете, что Гарлей Вестфорд находился на этом корабле?

- Потому что корабль принадлежал ему, и он мне объявил о своем намерении отправиться на нем. Зачем ему было изменять его?

- Я с вами согласен, - отвечал приказчик, - но на свете случаются странные вещи. Неожиданный случай мог легко воспрепятствовать его отъезду.

- О нет! - воскликнул Гудвин. - Это невозможно. Уверяю вас, что Гарлей и весь груз корабля покоятся теперь на дне морском.

- В таком случае, наследники его не замедлят явиться и потребовать от вас его 20 тысяч фунтов.

- Ну и пусть явятся, но с верными доказательствами, что они были приняты мной, а если таких нет...

- А квитанцию, которую вы выдали капитану?

- Она тоже на дне океана.

- Но если он передал ее кому-нибудь до своего отъезда?

- Это трудно предположить. Я уверен, что она погибла вместе с ним.

- В таком случае, на свете останется только одно лицо, знающее о получении вами этих 20 тысяч фунтов, то есть вы сами.

- Могу ли я довериться вам?

- Вы делали это до этой поры.

– О да, и в весьма знаменательных случаях; но настоящий случай важнее их всех. Готовы ли вы продать ваше молчание за тысячу фунтов?

– Очень готов, – отвечал Даниельсон.

– Но имейте в виду, что я нуждаюсь не в одном только молчании, но и в ваших услугах.

– Можете смело рассчитывать на то и на другое.

– Хорошо, – сказал банкир, – итак, слушайте. Вручая мне свое денежное состояние, Вестфорд отдал мне и акты на свою земельную собственность. Я хочу во чтобы то ни стало завладеть этой собственностью.

– На каком основании?

– На основании им же самим подписанного акта, которым он обязуется отдать ее в мое владение в случае неуплаты им в шестимесячный срок взятых у меня в долг денег.

– О, конечно!

– Но в этом акте вы должны непременно подписаться свидетелем.

– Но я никогда еще не был свидетелем в деле подобного рода.

– Ваша память изменяет вам нынче вечером, мой милый Даниельсон, но она станет свежее, когда я дам вам пятьдесят фунтов задатку.

Банкир сказал эти слова с мрачной улыбкой, которую хорошо понял его приказчик.

– Дайте сто вместо пятидесяти, – сказал он, – и тогда увидите, что память моя станет еще свежее.

– Пусть будет по-вашему, – сказал банкир, – но, в таком случае, я попрошу у вашей памяти припомнить какого-нибудь приятеля, то есть писца, который придал бы этому акту законную форму и сумел бы подписать его почерком другого лица.

– Дайте мне немного подумать, – сказал Даниельсон.

И он действительно погрузился в раздумье.

– Да, – сказал он наконец, – я знаю такого человека.

– И он может сейчас же обделать это дело?

– Да, но он запросит денег.

– И ему будет щедро заплачено, – отвечал банкир.

– Где же вы возьмете подпись, которую он должен подделать?

Гудвин вытащил из кармана украденное письмо Гарлея Вестфорда и передал его приказчику.

– Вы теперь знаете, что нужно вам сделать?

На том и закончился их разговор.

Мозг приказчика казался так свободен, как будто он пил не вино, а чистую воду – он продолжал сидеть, смотря то на огонь, то на задумчивое лицо банкира, и пил стакан за стаканом.

«Да это просто железный человек, – думал банкир. – Могу ли я быть спокоен, зная, что моя тайна в его руках? Спокойствие, спокойствие... Да знал ли я спокойствие с той самой минуты...» Конец этой фразы затерялся в тяжелом, подавленном вздохе.

Велика была скорбь, которая ожидала Лионеля и Виолетту по возвращении из приятной поездки. С легким сердцем и беззаботностью молодости отправились они в это утро, и мир казался им так прекрасен, что мысль о существовании продолжительного горя никак не могла прийти на ум. Теперь же их постиг первый удар, который разбил прекрасные мечты и подал им горькую чашу, которую они должны испить до дна.

Виолетта застала мать опять в постели, которую она так недавно оставила. Врач тщетно употреблял все возможные средства. Больная находилась в совершенно неподвижном состоянии, ее глаза мертво и без всякого выражения смотрели в пространство. Ни один вздох не облегчал ее мучений, она страдала молча, и сердце ее окаменело.

Доктор, который знал Лионеля и Виолетту с детства, ожидал их в передней, чтобы переговорить с ними. Он сидел за столом с газетой в руках.

– Мама наверное получила дурные известия! – воскликнула Виолетта в слезах. – Другой причины быть не может, это не обыкновенная болезнь! Будьте милосердны, мистер Сандерсон, скажите нам правду, как бы ни была она жестока.

– Скажите нам все! – воскликнул Лионель. – Не питайте нас обманчивыми надеждами!

Доктор передал газету молодому человеку.

– Прочтите, – сказал он, указывая на то место, которое относилось к «Лили Кин», – и дай Бог, чтобы это были только слухи.

Лионель прочел это место три раза, и холодная дрожь пробежала по его телу. В это время он почувствовал прикосновение дрожащей руки к его плечу и, обернувшись, увидел бледное лицо сестры, которая неподвижно смотрела на зловещую бумагу.

– О нет, нет! – закричала она. – Он не погиб! Не правда ли, доктор, отец наш не погиб?

Будем надеяться, что это так, – возразил доктор. – Эта деловые люди всегда готовы распространять разные безосновательные слухи. Может быть, все еще исправится.

– Нет! – порывисто воскликнул Лионель. – У меня нет больше доверия! Внутренний голос говорит мне, что отец погиб. Могу ли я забыть болезнь моей бедной матери? Она случилась от ужасного предчувствия, что эта поездка будет гибельна для отца. Она двадцать лет замужем за моряком, но у нее никогда не было подобных предчувствий. Непростительно глупо с моей стороны, что я смеялся над боязнью моей матери, теперь я понимаю, что она была основательна. Корабль отца разбился, и он погиб со всем экипажем!

Виолетта отчаянно вскрикнула и упала без чувств на руки брата.

– Вы убьете вашу сестру подобными речами, – строго сказал доктор.

Лионель отнес сестру в ее комнату, и в следующую ночь доктору пришлось лечить двух больных.

Дни и недели, последовавшие за посещением Руперта Гудвина, прошли весьма печально. Клара Вестфорд и ее дочь долго были не в состоянии оставить постели. Все мучительное время Лионель вел себя как примерный сын и брат.

Каждую ночь, когда нанятые сиделки и домашняя прислуга, искренне привязанные к своей госпоже и ее дочери, были принуждены вследствие утомления оставить которую-нибудь из больных, Лионель занимал их место. Казалось, что этот молодой человек, всегда беспечный до постигшего его несчастья, был внезапно наделен какой-то сверхъестественной силой. Но он не только ухаживал за больными, он постоянно ездил в Лондон и посещал все места, где мог хоть что-нибудь узнать об участи отца и его корабля.

Но нерадостное известие наградило его старания, и до выздоровления его матери он узнал свое несчастье. На утесистом берегу нашли обломки разбитого корабля, который носил имя «Лили Кин». С растерзанным сердцем Лионель возвратился в Вестфорд-хауз. Теперь ему не нужно было более оставлять

больных, чтобы разузнавать что-нибудь – он уже все знал.

Наконец настал день, когда Клара Вестфорд была в состоянии оставить постель, чтобы посидеть в салоне. Хотя окна и были наглухо затворены, комната все-таки не была лишена комфорта. В камине горел умеренный огонь, и перед ним сидела в мягких креслах, обложенная кругом подушками, выздоравливающая Клара Вестфорд. Дверь отворилась, и Лионель внес на руках свою сестру. Хотя болезнь Виолетты не была так трудна и так продолжительна, как болезнь ее матери, тем не менее она была еще очень слаба и походила в своем белом платье на привидение. Она уже не была более тем молодым сияющим существом, которое обворожило молодого художника на балу в Винчестере.

– Виолетта! – воскликнула мать. – Разве и ты была больна?

– Да, мама.

– Но мне ничего об этом не говорили, – сказала она с упреком.

– К чему же было осложнять твою болезнь подобной вестью? – возразил Лионель. – За Виолеттой хорошо ухаживали.

– О да, очень хорошо! – девушка благодарно посмотрела на брата.

– Бедная моя Виолетта, – проговорила мистрисс Вестфорд, положив исхудалые свои пальцы на маленькую ручку дочери, – как рано жизнь твоя осложнилась. Я двадцать лет была счастливой, но для тебя буря жизни поднялась слишком рано. Бедные мои дети!

Лионель каждую минуту ожидал тягостного вопроса об отце и только удивлялся, что мать так долго о нем не спрашивала. Но несчастная женщина предчувствовала причину его молчания и потому заключила, что всякая надежда для нее потеряна. Наблюдая за сыном, она заметила следы глубокой печали на его лице. Она поняла, что овдовела.

После описываемой нами сцены в гостиной Вестфорд-хауза, в маленьком семействе, по-видимому, снова воцарились мир и спокойствие.

Портрет Гарлея Вестфорда, висевший в спальне жены его, был обтянут черным флером. Виолетта, в своем траурном платье, казалась бледной и больной. Волосы ее сохранили прежнюю свою прелесть, но ее глаза подернулись печалью.

Среди друзей семейства Вестфорд был адвокат по имени Мальдон, человек очень умный и пользовавшийся большой славой в окрестности. Он приехал навестить осиротевших и с большим участием расспрашивал мистрисс Вестфорд о денежном состоянии ее покойного мужа. Клара откровенно рассказала ему о требованиях Руперта Гудвина насчет их земельного владения.

– Странно, – заметил мистер Мальдон, – я всегда был того мнения, что ваш покойный муж накопил изрядную сумму.

– Я тоже так думала, – согласилась Клара. – И продолжаю так думать, потому что в день отъезда муж сказал мне, что намеревается отдать на сохранение Руперту Гудвину 20 тысяч фунтов стерлингов.

– И мистер Гудвин не признает получения этих денег?

– Да, он не признает его и даже настаивает на том, что мой муж ему задолжал. Но я этому не поверю до письменного доказательства.

– Милая мистрисс Вестфорд, – возразил адвокат, – это довольно непонятно. Сомневаться в словах Руперта Гудвина почти невыносимо, он принадлежит к первым купцам Лондона, и трудно поверить, чтобы он заявил необоснованные требования к вашему мужу.

– Этого я не знаю, но я весьма низкого мнения об этом Руперте Гудвине, – холодно отвечала мистрисс Вестфорд.

– Вы знаете его?

– Я знала его в прежние годы и всегда считала его злым и низким человеком.

– Это жестокие слова, мистрисс Вестфорд, – адвокат с удивлением посмотрел на Клару.

– Они произошли от того расположения, которое я чувствую к этому человеку. Я вполне уверена, что муж мой вручил ему 20 тысяч фунтов, и нисколько не сомневаюсь в том, что он может ограбить меня и детей моих.

– Боюсь, мистрисс Вестфорд, что вы действуете под влиянием предубеждения, но я немедленно отправлюсь в Лондон для объяснения с Рупертом Гудвином. Если вас действительно хотят притеснить, то вам будет оказана деятельная защита. Я любил и уважал вашего мужа и отношусь с этими же чувствами ко всему вашему семейству; я не позволю вас ограбить и обмануть этому банкиру, как он ни хитер и ни умен.

Мы не последуем за адвокатом ни в Лондон, ни на свидание его с банкиром; достаточно сказать, что этот последний предъявил ему акт за подписью двух свидетелей, в силу которого Вестфорд уполномочил его вступить в марте того же года во владение его вестфордским поместьем в случае неуплаты взятых им у банкира в долг шести тысяч фунтов стерлингов. Январь был уже на исходе, и семейству Вестфордов оставалось не более двух месяцев владеть местом, где прошло так много счастливых дней. Мальдон был хорошим адвокатом, но предъявленный акт не допускал возможности спорить с банкиром: оставалось или отдать поместье, или выплатить деньги. Адвокат перерыл все бумаги Вестфорда, не найдя в них никаких пояснений относительно этой сделки. Адвокат знал по опыту, как часто мужья обманывают жен относительно своих денежных дел, и Гарлей Вестфорд поступил, вероятно, по их примеру.

Роковой срок меж тем быстро приближался, и мистрисс Вестфорд ожидала его с высочайшей твердостью: она понимала, что ей нечего ждать пощады от банкира.

У мистрисс Вестфорд не было собственных денег – побег из родительского дома лишил ее участия в наследстве отца. Муж ее никогда не слышал о тех клеветнических слухов, которые распространили в обществе о поведении Клары, не слышал ее имени рядом с именем Руперта Гудвина. Ее замужество вытеснило ее из блестящей среды и ввело в дом мужа без всяких денежных средств. Рассматривая теперь серьезно свое положение, она убедилась в его полной

безвыходности. Торговцы, поставлявшие съестные припасы для ее семейства, и даже прислуга требовали платы, а маленькая сумма, оставленная ей мужем, была уже истрачена. Он обещал выслать ей денег, но море поглотило и его, и все, что при нем. Мистрисс Вестфорд оставались только ее бриллианты как единственное средство удовлетворить своих должников. Вещи эти были ей дороги по воспоминаниям, связанным с ними, но ее честь взяла верх над сожалением, и вещи были вручены для продажи мистеру Мальдону. После уплаты долгов у нее оставалось не более тридцати фунтов. С этой маленькой суммой ей предстояло начать суровую борьбу с мрачным будущим.

10

Настал канун 25 марта, и хотя о банкире не было вести, Клара была готова беспрекословно выйти из своего поместья и твердо решила не унижаться ни малейшей просьбой об отсрочке. Но это решение встретило сильный протест у Виолетты.

– К чему так спешить, – говорила она, он, вероятно, даст тебе время поправить здоровье.

– Нет, Виолетта, – сказала мистрисс Вестфорд, – я не останусь и часа под кровом Гудвина.

– Ты говоришь, мама, как будто знаешь этого человека.

– Знаю, конечно, – отвечала она, – и с самой дурной стороны, а потому решение мое не изменится, и ты должна немедленно написать Лионелю, чтобы он выехал в час прямо на станцию, где он и встретит нас.

Уже несколько недель Лионель жил в Лондоне в поисках какого-нибудь дела, но, несмотря на его основательное образование и на скромные требования, ничего пока не получалось. Лондон изобиловал дельными, образованными молодыми людьми, которые непосильным трудом зарабатывали только на хлеб насущный. Мужество покидало Лионеля вследствие многих неудачных попыток, ибо на каждое вакантное место являлась целая сотня желающих, из которых,

естественно, девяносто девять отходили, не дождавшись результатов.

Лионель снимал в квартале Суррей небольшую квартирку, в которую готовился принять мать и сестру. Много горьких сравнений и воспоминаний о прежней обстановке вызвала в нем эта квартира, но никто не слышал от него ни слова жалобы, и все его мысли были направлены на сестру и мать, на возможность отвлечь от них тяжелую бедность.

В полдень 24 марта погода была мрачна и холодна, ветер шумел в старых деревьях вестфордского сада, но, несмотря на это, Виолетта открыла калитку в лес. Со дня своей болезни она не виделась с Рафаэлем Станмором и ничего не слышала о нем. Она ждала, что он придет проведать, ее и даже решилась спросить Лионеля, не слышал ли он чего-нибудь о нем. Ответ был отрицательный. Станмор не захотел узнать даже причины ее продолжительного отсутствия, и это равнодушие лежало страшной тяжестью на ее душе; ее самолюбие тоже страдало и внушило ей мысль не искать свиданий с человеком, на любовь которого она уже не полагалась. Однако в минуту расставания с Вестфорд-хаузом она не могла противиться желанию узнать о причинах молчания Станмора. Он мог заболеть. Любовь пересилила самолюбие и заставила ее отправиться на место, с которым было связано так много светлых воспоминаний.

Мрачен казался в это утро лес, но еще мрачнее было прежде цветущее личико молодой девушки. Глаза ее впали, прежний румянец сменился бледностью. Медленно и с сильно бьющимся сердцем подходила она к скромному домику, в котором жил художник. Путь был не ближний, и день клонился к вечеру. Яркий огонь в камине освещал окна домика, и сердце Виолетты болезненно сжалось. «Если бы у моей матери оставался теперь хотя бы такой домик, – подумала она, – то мы были бы счастливы, мы, которым владельцы этого так часто завидовали».

Не успела Виолетта подойти к дверям, как ей навстречу вышла женщина.

– Мисс Виолетта, боже мой! – воскликнула она. – Вы меня напугали, я чуть не приняла вас за привидение! Но на дворе так холодно, войдите и погрейтесь у моего огня; я рада вам от чистого сердца, и во время вашей болезни я часто приходила в Вестфорд-хауз осведомляться о вашем здоровье.

Сердце Виолетты сильно забилося, она относилась это участие к влиянию Станмора.

- Благодарю вас от всей души, - сказала Виолетта.

- За что благодарить? Это очень естественно: я знаю вас с детства, и ваша матушка была всегда так добра ко мне.

Надежда, оживившая сердце молодой девушки, снова исчезла: она сама не знала, как выпросить то, что ей хотелось так сильно узнать, но хозяйка не заметила волнения на лице Виолетты.

- Как все у вас здесь покойно и мило! - проговорила наконец молодая девушка.

- Вы очень добры, - отвечала хозяйка, - но домик наш кажется мне пуст, с тех пор как мы лишились нашего жильца.

- То есть мистера Станмора? - заволновалась Виолетта.

- Да, мистера Станмора. Он съехал от нас совершенно неожиданно и, можно сказать, даже против желания.

- Как так - против желания? - спросила Виолетта.

- А вот как было дело: я сидела у окна, когда к калитке неожиданно подошел высокий господин мрачной наружности и холодно спросил меня, здесь ли его сын.

- Ваш сын? - сказала я. - Я не знаю его.

- О нет, вы его знаете: вот он писал картину, которая лежит у вас на столе.

- Мистер Станмор? - сказала я.

- Называйте его каким угодно именем, - возразил он, - оно не мешает ему быть моим сыном.

В эту минуту мистер Станмор возвращался из леса и вошел прямо в комнату.

– Я здесь, отец, – сказал он очень гордо, – и готов оправдываться, если вы этого желаете.

Тогда оба они ушли в комнату мистера Станмора, и, так как стены здесь тонкие, то я слышала, что они громко спорили. Через некоторое время отец вышел из дома в сильном волнении, не сказав ни слова. Через час вышел и мистер Станмор и попросил моего мужа перевезти его вещи на станцию Винчестер. Он сказал, что с первым поездом отправляется в путь. Меня опечалил его отъезд – действительно, трудно найти жильца лучше его. Он и сам казался очень расстроен. Кстати, я вспомнила одно обстоятельство, которое, по-видимому, касается вас, – сказала хозяйка, взглянув на Виолетту.

Яркий румянец покрыл лицо девушки.

– Мистер Станмор говорил обо мне? – спросила она.

– В ту самую минуту, как он намеревался оставить наш дом, он поспешно обернулся ко мне и сказал: «Если увидите мисс Вестфорд, то скажите ей, что я нарисовал тот старый дуб, который ей так нравился, и что мне было бы очень приятно, если бы она сходила к нему, чтобы живее его вспомнить, когда увидит мою картину». Не странно ли было такое поручение?

– Да, – ответила Виолетта, по-видимому, очень равнодушно, – должно быть, мистер Станмор говорил о том старом дубе на берегу озера, которым мы с братом часто любовались; но, к сожалению, у меня нет времени, чтобы взглянуть на него, потому что мы завтра уезжаем отсюда.

Добрая женщина выразила крайнее сожаление об отъезде семейства – она уже несколько дней назад слышала о том, что Вестфорд-хауз переходит к другому владельцу.

С тяжелым сердцем вышла Виолетта из этого домика. Рафаэль Станмор исчез без всякого следа, не оставя ей, которой клялся в вечной любви, даже письма. Она никак не могла объяснить себе этого.

Между тем луна осветила открытые места леса. Виолетта осматривала тихую местность с болью в сердце. «Может быть, я вижу в последний раз эту страну, в которой была так счастлива», – она вспомнила слова Рафаэля, сказанные в отношении дуба. – «Можно было бы подумать, что он издевался над моим горем, – продолжала она, – а между тем он сам был грустен – так по крайней мере говорила его хозяйка. Почему желал он, чтобы я еще раз сходила к тому дубу, под ветвями которого мы с ним так часто отдыхали? Но, как бы то ни было, – она глубоко вздохнула, – это его желание я исполню. Моя мать слишком занята сегодня, чтобы заметить мое отсутствие, и я сейчас же пойду к озеру».

При свете луны она безбоязненно шла по лесным тропинкам. В этот тихий вечер вид воды был как-то особенно хорош. Под густыми ветвями старого дуба, бросавшими далекую тень на траву, стояла скамья. Виолетта села на нее и предалась глубокому раздумью о потерянном счастье, которое так живо напоминала ей эта местность. Она прислонила голову к жесткой коре дерева, и в первый раз за все это горестное время горячие слезы потекли по ее щекам.

В эту минуту она заметила углубление в дереве, куда, как она вспомнила, Рафаэль имел обыкновение ставить свой ящичек с красками. Не вложил ли он теперь письма для нее и не дал ли это странное поручение своей хозяйке, чтобы обратить ее внимание на это дерево? Виолетта нагнулась и поспешно начала рыться в углублении, которое было почти заполнено мхом и старыми листьями и; устранив все это, она заметила что-то белое и с жадностью схватила его. Да, это было письмо! Она напрягла зрение, но не могла ничего разобрать, кроме слова «Виолетте», написанного на запечатанном конверте. Она положила его в карман и побежала к дому.

Никогда еще, даже в счастливые дни свои она не летела с подобной быстротой по узким тропинкам. Запыхавшись и очень утомившись она достигла Вестфорд-хауза и, взяв в передней свечу, поспешила в свою комнату. Здесь она села к письменному столу и разломила печать конверта. Письмо было короткое и писалось, по-видимому с большой поспешностью:

«Милая моя Виолетта!

Обстоятельства, которых я не могу тебе объяснить в это письмо, неожиданно заставляют меня оставить Англию. Не знаю, когда буду в состоянии возвратиться, но как только это случится, я буду просить твоей руки. До тех пор прошу тебя адресовать твои письма на почту в Брюгге, до востребования. Скажи мне, что ты также будешь непоколебима в верности ко мне, как будет тебе непоколебимо верен

твой Рафаэль».

Нельзя выразить словами того утешения, которое принесло это письмо Виолетте. Женщина большого света не придавала бы много значения уверениям Рафаэля, но доверчивому сердцу Виолетты они служили священной клятвой.

«Он меня любит, он мне верен! воскликнула она. – И когда он возвратится, я буду его женой!

Но что он будет делать, когда найдет наш дом пустым? Ах, он сумеет везде меня отыскать!»

Воспитанная в деревне, молодая девушка забыла, что Лондон походит на обширное море и что люди исчезают в нем, как капли воды в океане.

11

Рано утром Виолетта и ее мать оставили Вестфорд-хауз и отправились в наемной карете в Винчестер. Кроме своих платьев, белья и двух портретов Гарлея Вестфорда, они ничего больше не взяли, потому что акт Руперта Гудвина, который и сам мистер Мальдон признал действительным, распространялся как на мебель, так и на серебро, находившееся в доме.

Ровно в час того же дня они прибыли на вокзал Ватерлоо в Лондоне, где ожидал их Лионель, мрачный и бледный, являвший теперь резкую противоположность с тем беззаботным студентом, веселость которого распространялась на всех окружающих его. После обычных приветствий все трое сели опять в наемную карету и, быстро проехав несколько переулков, остановились перед маленьким

чистеньким домиком.

Лионель грустно взглянул на мать и подумал о горьком впечатлении, которое должны были произвести на нее эта мрачная улица и этот невзрачный домик в сравнении с прекрасным домом в их бывшем поместье.

– Здесь очень бедно, милая мама, – сказал он, с чувством пожимая руку матери, – но я не смог найти ничего лучшего согласно нашим средствам. Надо будет потерпеть, пока не поправятся наши обстоятельства.

– Душа моя, – ответила мать, с благодарностью посмотрев на сына, – грешно жаловаться, когда судьба сохранила мне вас.

Лионель употребил все старания, чтобы придать комнате несколько более веселый вид. В камине горел яркий огонь, а на столе стояла ваза с первыми цветами весны.

Искренняя привязанность друг к другу была единственной опорой в первые дни бедности этих жертв банкира. Испытание было тяжелое.

Каждое утро после скудного завтрака Лионель отправлялся – без средств и без друзей – отыскивать себе занятие в Лондоне; каждое утро Виолетта делала то же самое, чтобы добыть хлеб насущный, которого они уже скоро должны были лишиться. Но она была не счастливее брата, хотя многое знала. Но Лондон изобиловал образованными молодыми девушками, которые часто напрасно старались получить хотя бы скудное место. Равно и мистрисс Вестфорд старалась приносить пользу своим талантом, но также долго тщетно искала себе занятие. Наконец, когда уже мать и дочь почти потеряли надежду на работу, светлый солнечный луч проник в их жизнь и, казалось, пообещал им лучшие дни.

Одна знатная дама дала объявление в газетах, что ищет гувернантку своим двум дочерям. Виолетта прочла публикацию и немедленно отправилась по адресу.

Мистрисс Монтес Тревор была женщиной, которая думала об удовольствиях и нарядах. Она когда-то была чрезвычайно красива и воображала, что в сорок лет все еще сохранила всю прелесть своего девятнадцатилетнего возраста.

Она была вдовой, и мысль о вторичном браке постоянно занимала ее, но она домогалась богатого мужа, так как привыкла к роскошной жизни.

Публикацию этой-то мистрисс Тревор Виолетта и прочла в газетах, и на следующий день она сидела в числе еще нескольких кандидаток в приемной этой дамы и с сильно бьющимся сердцем ожидала минуты, когда ее пригласят в кабинет и решат ее участь. Она знала, что для их семейства наступала самая горькая нищета, и мысленно молилась об успехе этого дела.

Наконец Виолетту ввели в кабинет мистрисс Тревор, которая неглиже, с веером в руках возлежала на изящной кушетке. Подле нее на маленьком столике стояли флакон с духами и чашка шоколада. Обе ее дочери стояли у окна и рассеянно смотрели в окно.

Как только Виолетта вошла, дрожа от волнения, мистрисс Тревор не могла удержаться от удивления.

– Какое прекрасное лицо! – воскликнула она. – Милая Теодорина, милая Анастасия, – обратилась она к дочерям, – видели ли вы что-нибудь прелестнее этого?

Виолетта и не подозревала даже, что это восклицание относилось к ней; она подошла к даме и сказала ей робко:

– Мистрисс были столь добры, что позвали меня к себе?

– Да, моя милая, я звала вас и очарована вами. Я люблю, чтобы все окружающее меня было прекрасно – мои комнаты, цветы, моя фаянсовая посуда. И вы прекрасны. Красота сделалась для меня так же необходима, как воздух, которым я дышу. Я уверена, что мы сойдемся с вами. Милая Анастасия, не находишь ли ты, что есть сходство между мисс... мисс...

– Вестфорд, – пролепетала Виолетта.

– Мисс Вестфорд и мною? В форме носов, например. Форма носа мисс Вестфорд та самая, которую покойный отец ваш называл чисто греческим типом. Я наперед уверена, моя милая, что вы мне понравитесь. Вы ведь играете

на фортепиано, а также можете петь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/breddon_meri/krovavoe-nasledstvo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)